

УДК 930.1

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКОВ В ОЦЕНКЕ Н.М. КАРАМЗИНА

Т.Т. КРУЧКОВСКИЙ

*Гродненский государственный университет им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь*

Введение. В настоящей статье автор, рассматривая известную историческую концепцию истории России Н.М. Карамзина, ставит перед собою задачу выделить и показать в ней оценочные подходы известного русского историка к соперничеству конца XVI – начала XVII веков польско-литовского государства и Москвы. Важным этапом этого противоборства, по его мнению, было Смутное время. В данной статье автор рассматривает оценки русского историка польского фактора событий Смуты до открытого военного столкновения Речи Посполитой и Москвы. История Польши рассматривалась ученым в его творчестве преимущественно в контексте русско-польского соперничества и польского вопроса в России начала XIX века. В контексте изучения исторической полонистики Н.М. Карамзина подобное исследование проводится впервые.

Основная часть. Характеризуя место и роль истории Польши в историософской концепции истории России Н.М. Карамзина, общий подход его к истории Польши, следует сразу же заметить, что в этой области историк выступал во многом как первопроходец в русской историографии. История Польши рассматривалась ученым в его творчестве преимущественно в контексте русско-польского исторического соперничества и политического решения польского вопроса в России начала XIX века. Весьма важным этапом этого противоборства, по мнению ученого, было Смутное время. В данной статье автор рассматривает оценки русского историка польско-российского противостояния в период царствования Бориса Годунова и польского фактора событий Смуты до открытого военного столкновения Речи Посполитой и Москвы в 1609 году. В контексте исторической полонистики Н.М. Карамзина в научной литературе затрагивались лишь некоторые отдельные аспекты данной проблематики [1-8].

Новый этап борьбы России и польско-литовского государства наступил, по мнению Карамзина, в период царствования Ивана IV Грозного и образования Речи Посполитой, которая соединила силы ВКЛ и Польши. Именно тогда, по его мнению, Москва имела первоначально возможность в свою пользу разрешить давнее соперничество на западе. Оценка перспектив разрешения этого спора самым тесным образом связана с общей концепцией истории России и места в ней Польши, а также оценки царствования Ивана Грозного в частности. Историк считал, что потенциально существовала возможность в силу роста могущества России решить данный вопрос окончательно в ее пользу: «Древняя Юго-западная Княжения потомков Владимировых еще оставались в руках Польши, зато Россия, новая, возрожденная, во времена Иоанна IV приобрела три царства: Казанское, Астраханское и неизмеримое Сибирское, дотоле неизвестное Европе» [9, с.476]. Как утверждал историограф, уже период Ивана Грозного в российско-польских отношениях стал временем не просто нового этапа российско-польского противостояния, но и фактически религиозной войной, цивилизационным противостоянием двух различных общественно-политических устройств. Однако в результате царствования кровавого тирана все остальные составляющие его концепции могущества России, считал Карамзин, – наличие самодержавия в стране, а также покорного и верного народа, не смогли победить заранее более слабого противника – Речь Посполитую, но возглавляемую великим государственным деятелем и полководцем – Стефаном Баторием [7].

Данное положение об опасности для величия России Польши времен Батория Карамзин подтверждал описанием возможности дальнейших успехов Батория в отношении России: «еще гораздо важнее и затруднительнее были для нас сношения с Литвою, ибо Стефан, как бы предчувствуя, что ему жить недолго, нетерпеливо хотел довершить начатое: возвысить державу свою унижением России и, считая Ливонию только задатком, а мир отдохновением, мечтал о восстановлении древних границ Витовтовых на берегах Угры» [10, с.16]. Главную причину неудачи Батория в этих планах историк видел не в сопротивлении Московского государства, а в слабости польского шляхетского государственного устройства, настолько слабого, что даже такой идеальный государственный деятель не смог помочь Речи Посполитой стать великой державой: «Нет сомнения, что Баторий немедленно обнажил бы меч на Россию, если бы вельможные паны, особенно литовские,

боясь разорения земли своей, не противились его славолюбию и не грозили королю отказом сейма в деньгах и в людях» [10, с.19].

Исходя из этих идей, как нам представляется, Карамзин и дал исключительно высокую оценку польскому королю Стефану Баторию как государственному деятелю, который не только мог остановить рост могущества России, но и предотвратить создание ее империи. При этом Н.М. Карамзин весьма нетрадиционно для последующей русской исторической науки первым ставил вопрос о возможности Польши в период тирании Ивана Грозного решить в свою пользу многовековое соперничество Москвы и Речи Посполитой. Он отмечал: «Если бы жизнь и гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть в самом первом десятилетии нового века: столь зависима судьба государств от лица и случая, или от воли Провидения!» [10, с.39]. Дать Речи Посполитой возможность последовательно строить свое внешнеполитическое могущество, в том числе путем подчинения или соединения своего государства с Москвою. Исходя из этого, Баторий в интерпретации историографа представлен как идеальный правитель, несмотря на его борьбу с Россией, которая его уважала. Он только выполнял свои обязанности монарха и пытался осуществить возможные новые внешнеполитические перспективы своей страны. Эти новые перспективы Речи Посполитой историк, согласно нашему мнению, в своей интерпретации понимал как возможность геополитического подчинения новых территорий, в том числе и России. Именно поэтому, считал он, его больше оценили в России, чем в Польше: «Один из знаменитейших венценосцев в мире, один из опаснейших злодеев России, коего смерть более обрадовала нас, нежели огорчила его державу, ибо мы боялись увидеть в нем нового Гедимина, нового Витовта, а Польша и Литва неблагодарные предпочитали дешевое спокойствие драгоценному величию» [10, с.39].

Последнее сочетание «дешевое спокойствие» и «драгоценное величие» в отношении Польши и России Карамзина, согласно нашему мнению, наиболее образно передает предпочтения и приоритеты официального историографа Российской империи Н.М. Карамзина, оказавшего столь существенное влияние на последующую русскую историческую науку. Данная высокая оценка деятельности Батория, а главное оценка возможных перспектив победы Речи Посполитой в соперничестве с Россией уникальна не только для российской официальной историографии, но и вообще для всей русской исторической науки периода XIX – начала XX веков. Это относится также и к представителям либеральной историографии второй половины XIX – начала XX веков, часто считавшимися полонофильски настроенными (Н.И. Кареев, А.Л. Погодин) [11].

Описывая отношения Москвы с Польшей уже после Ивана Грозного, то есть конца XVI века, Карамзин утверждал, что сохранены в них были прежние московские принципы и приоритеты, независимо от того кто был царем: Федор или – Борис Годунов. «В делах внешней политики российской, писал историк, ничто не переменилось, – ни дух ее, ни виды. Мы везде хотели мира или приобретений без войны (весьма показательное и красноречивое положение сути московской внешней политики – Т.К.) [...] не упускали случая вредить им без явного нарушения договоров» [10, с.13].

Вторая попытка России овладеть польским престолом при царе Федоре описывается Карамзиным весьма противоречиво: с одной стороны он утверждал, что московский владыка был готов на значительно большие уступки, чем его предшественник: «нет сомнения, что Федор, подобно отцу и деду, искренне хотел королевского сана, чтобы соединить державы, искони враждебные, узами братства, предлагая Вельможной Думе условия выгодные, с обещаниями лестными, с надеждами блестящими [...] в противность главному Иоаннову требованию, соглашаясь быть королем избранным, с властью ограниченной, без всякого наследственного права» [10, с.41], а с другой – отмечал твердую позицию Москвы по принципиальным для нее вопросам: «Готовый, повидимому, к уступчивости и снисхождению для успеха в своем искании, Федор оказал и хладнокровную непреклонность, когда сейм безразсудно потребовал от него жертв, несовместных с православием, достоинством и пользой России» [10, с.42].

Впоследствии в русской историографии XIX века, вслед за Карамзиным, отмечались ослабленные позиции Москвы при попытке добиться польского престола после смерти Батория (С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и др.). Сохранилось данное положение и в современной российской исторической науке [12]. Отмечается, что уже в так называемых «Кондициях московских» – перечне условий, которые польско-литовская шляхта хотела предложить Федору Ивановичу, выдвинувшему в 1587 году свою кандидатуру на польский трон, царю предлагалось принять католическую веру, а на переговорах с русскими послами во время выборов ему предлагалось и осуществить унию церквей [12, с.57].

Карамзин, рассказывая о дипломатических действиях Москвы в этот период против Речи Посполитой на случай неудачи московской кандидатуры, отмечал готовность помочь ей в этом Австрии, вплоть до применения военной силы (очевидно забывая, что Россия только что проиграла войну и была разорена опричниной – Т.К.), подкупа польско-литовских магнатов, предложения немецким государствам раздела Речи Посполитой. Эти действия могли быть подкреплены, как он считал, московским войском, наиболее многочисленным в Европе. Однако, констатируя факт военного могущества Москвы, он с горечью далее отмечал, что при этом половина древней России находилась под польским владычеством [10, с.13-16]. Такое описание внешнеполитической ситуации Речи Посполитой приводит историк относительно конца XVI века, явно находясь под ретроспективным влиянием факта ее разделов конца XVIII века.

По всей вероятности, показывая, таким образом, ситуацию Речи Посполитой конца XVI века, Карамзин экстраполировал положение этого государства в XVIII век. В современной польской историографии данный подход рассматривается как оценка российским историком Речи Посполитой конца XVI века как не вполне суверенного государства [5]. В качестве одного из доказательств этого своего положения историограф неоднократно приводил на страницах своей «Истории» рассказы о подарках, которые Речь Посполитая, время от времени, посылала крымскому хану, при этом забывая упомянуть о том, что Москва платила дань хану практически постоянно. Сам историк неоднократно о ней упоминает при случае рассказа об отношениях с Крымом. Так, например он отмечал: «в июле 1602 года Казы-Гирей, приняв дары, оцененные в 14.000 рублей [...] еще хотел тридцати тысяч» [10, с.13].

Историк с явным удовольствием описывал маневры московской дипломатии на российско-польских переговорах 1600 года, когда канцлер ВКЛ Лев Сапега предложил от имени польского короля Сигизмунда III унию Речи Посполитой и Москвы, во многом аналогичную польско-литовской. По мнению Карамзина: «мы имели случай гордостью отплатить Сигизмунду за унижения, претерпенное Иоанном от Батория». Оказалось, что в интерпретации историка в кратком изложении это были следующие действия: «канцлер Лев Сапега, приехав в Москву, жил шесть недель в праздности для того, как ему сказывали, что царь мучился подагрой. [...] Наконец, будто бы из уважения к милостивому ходатайству юнного Борисового сына, государь велел думным советникам заключить перемирие с Литвою на 20 лет. 11-го марта (1601 года) написали грамоту, но не хотели именовать в ней Сигизмунда королем Швеции под лукавым предлогом, что он не извещил о своем восшествии на трон отцовский, на самом, же деле мы пользовались случаем мести за старое упрямство Литвы называть государей российских единственно великими князьями» [10, с.17].

Подобного рода «победы» московской дипломатии Карамзин видел также в способе ведения переговоров в Литве и отстаивании титулов московского царя, отмечая, что русские послы упрямовали в отношении места проведения переговоров: «будем ждать короля в Вильне и поставили на своем; в глубокую осень жили несколько времени на берегах Днепра, в шатрах; терпели голод и недостаток, но принудили короля приехать для них в Вильно» [10, с.18]. Далее в подтверждение правоты Москвы историограф приводил историческую аргументацию московских послов: «Эстония и Ливония собственность России от времен Ярослава Великого» При этом, как было верно замечено К. Блаховской, вслед за русской историографией еще XIX века, такого рода исторические замечания многократно появлялись на страницах «Истории» Карамзина и находились они не в примечаниях, а в фрагментах цитированных источников. Благодаря этому приему у читателя не возникало сомнений, что русские уже в XVI веке вполне осознавали многовековую традицию принадлежности к России Западной России и Ливонии [5]. Интересен, на наш взгляд, также вывод Карамзина относительно эффективности такой политики Москвы: «Следственно в Москве и в Вильне политика российская одержала верх над литовскою: король уступил, ибо не хотел воевать в одно время и с шведами и с нами» [10, с.18].

Н.М.Карамзин стал одним из зачинателей подхода в русской историографии рассмотрения Смутного времени, прежде всего, как итога исторического развития России, а не определения его сквозь призму внешнего вмешательства, прежде всего польского. Отметив, что Россия сама своим развитием готовилась «к ужаснейшему из явлений в своей истории», он описывал ее причины, ссылаясь на волю Провидения: «неистовым тиранством двадцатичетырех лет Иоановых, адской игрою Борисова властолюбия, бедствиями свирепого голода и всеместных разбоев, ожесточением сердец, развратом народа – всем, что предшествует ниспровержению государств, осужденных Провидением на гибель или на мучительное возрождение» [10, с.56].

Историк уделял основное внимание положениям о потере спасительной роли самодержавия и моральному разложению русского общества и причину этого во многом видел в политике Бориса Годунова ослабления самодержавия и самой личности царя. При этом он даже не вспомнил в своей «Истории» о целенаправленной попытке Годунова представить себя приемником Киевской Руси. Так в Грановитой палате во времена Б. Годунова для поддержания легитимности власти и показа преемственности Москвы и Киевской Руси было поставлено изображение князя Владимира и его 12 сыновей, при этом сам князь представлялся как святой и рядом с ним - святые Борис и Глеб.

В своей Записке «О древней и новой России» историк прямо обвинял уже царя Бориса: «Годунов, тревожимый совестью, хотел заглушить ее священными укоризнами действиями кротости и смягчал Самодержавие в руках своих: кровь не лилась на лобном месте; ссылка, заточение, невольное пострижение в монахи были единственным наказанием Бояр, виновных или подозреваемых в злых умыслах [...] Бояре, некогда стояв с ним на одной ступени, ему завидовали; народ помнил его слугою придворным. Нравственное могущество Царское ослабело в сем избранном Венценосце» [13, с.478]. Таким образом, он не видел каких-либо серьезных противоречий между интересами отдельных слоев русского общества, которые могли бы повлиять на их поведение. В целом негативное отношение Карамзина к Борису Годунову отмечается в исторической науке [14]. Вместе с тем историк уделял весьма значительное место, при описании истории Смутного времени, именно, интересующему нас, польскому в ней фактору.

Данная карамзинская трактовка Смутного времени, несмотря на развитие исторической науки, во многом осталась актуальной в русской науке вплоть до исследований Костомарова Н.И. [15] и Платонова С.Ф. [16]. С.М. Соловьев, много внесший в разработку данной проблематики и видевший ее связь с историей Польши, причины ее усматривал также в нравственном упадке русского общества [17, с.8].

С точки зрения представления Карамзиным российско-польского противоборства Смутное время в России должно было быть немедленно использовано Речью Посполитой: «В самом деле, что могло казаться счастливее для Литвы и Рима? Чего им нельзя было требовать от благодарности Лжедмитрия, содействуя ему в приобретении царства, которое всегда грозило Литве и всегда отвергало духовную власть Рима? [...] одно бедствие, одно смятение и междоусобие России уже пленяло воображение наших врагов естественных» [10, с.61]. При этом Карамзин считал, что кроме польских интересов Речь Посполитую на войну с Россией толкала и католическая церковь: «если робкий Сигизмунд еще колебался, то ревностные иезуиты победили его нерешимость, представив ему способ, обольстительный для душ слабых [...] Лжедмитрий письменно, обязался за себя и за Россию пристать к латинской церкви» [10, с.61]. Данное положение об использовании католической церковью польского государства против России вопреки ее собственным интересам стало общепринятым в российской историографии второй половины века, причем всех школ и направлений [11].

Вместе с тем историк признавал, что особенно на начальном этапе Смутного времени, до официального вступления Речи Посполитой в войну с Россией (1609г.), собственно поляки принимали не столь значительное участие в походе Лжедмитрия. Данное положение впоследствии было принято большинством русских историков второй половины XIX – начала XX веков (С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, С.Ф. Платонов), а также и в современной российской науке [12, с.60]. Одновременно Карамзин признавал, что значительная часть польской политической элиты пытались удержать короля от войны с Москвою, поддерживали которую только немногие политические круги, желающие получить военную добычу: «Тщетно старец Замойский, пан Жолкевский, князь Острожский и другие вельможи благоразумные удерживали короля, не советуя ему легкомысленно вдаваться в опасность такой войны [...] Весьма немногие знатные дворяне в угодность королю и мало уважаемому им прельщали этой мыслью», отметив, что ополчилась, в самом деле, «сволочь» на Россию, «стремились туда бродяги, требуя оружия не для победы, но для грабежа или жалования» [10, с.63-65].

Данное положение Карамзина впоследствии получило развитие в исследованиях С.М. Соловьева и С.Ф. Платонова. Так Соловьев проводил различие между польской шляхтой, отправившейся в Россию поддерживать Лжедмитрия II, и руководящими кругами Речи Посполитой. Если первые, по его мнению, не преследовали каких-либо политических целей, а просто хотели «пожить за счет Москвы», то уже целью королевского похода для поляков было покорение России Польшей [17, с.481,546]. Подобная точка зрения отмечалась и в советской историографии [18-19] и др. Высказывается она и в современной российской исторической науке [12].

Хотя Н.М.Карамзин и не считал вмешательство поляков главной причиной прихода к власти Лжедмитрия I, однако, при анализе его конкретно-исторического повествования о времени самозванца, явно видна значимость польского фактора в царствовании и падении Лжедмитрия I. При этом историк признавал весьма успешное начало правления самозванца: «Не многие из Государей бывали столь усердно приветствуемы народом, как Лжедмитрий в день своего торжественного въезда в Москву» [13, с.478], а также его мероприятия направленные на укрепление своего авторитета, в том числе и удаление им своего польского окружения: «удвоил жалованье сановникам и войску; велел заплатить все долги казенные Иоаннова царствования, отменил многие торговые и судные пошлины; строго запретил всякое мздоимство и наказал многих судей бессовестных; обнародовал, что в каждую среду и субботу будет сам принимать челобитные от жалобщиков [...] чтобы оказать доверенность к подданным, Лжедмитрий отпустил своих иноземных телохранителей и всех ляхов, дав каждому из них в награду за верную службу по сороку злотых деньгами и мехами, но тем, не удовлетворив их корыстолюбия: они хотели более, не выезжали из Москвы, жаловались и пировали!» [20, с.101].

Историограф уделил много внимания показу влияния польского фактора на сам процесс царствования Лжедмитрия I, показывая его нововведения и их связь с польскими общественно-политическими и культурными образцами. «Плененный обычаями той земли, писал он, где началась его жизнь пышная и где все казалось ему блестящим, превосходным в сравнении с Россиею, Лжедмитрий не удовольствовался введением новых чинов и наименований; он спешил в духе сего подражания изменить состав нашей древней государственной Думы: указал заседать в ней, сверх патриарха (что в важных случаях и дотоле бывало), четверем митрополитам семи архиепископам и трем епископам, надеясь, может быть, обольстить тем мирское честолюбие духовенства, а более всего желая следовать уставу королевства польского; [...] Пишут, что он, имел дар красноречия, блистал им в совете, говорил много и складно, любил уподобления, часто ссылаясь на историю и рассказывал, что сам видел в иных землях, то есть в Литве и в Польше [...] Удивляя бояр остроумию и живостью ума в делах государственных, [...] твердил, что россияне должны быть их учениками, ездить в чужие земли, видеть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей. Польша не сходила у него с языка» [20, с.101-104].

По мнению Карамзина популярность самозванца была разрушена посредством нарушения им и опекаемыми им поляками целого ряда московских правил и обычаев. Он писал по данному поводу: «самозванец скоро охладил к себе и любовь народную своим явным неблагоразумием» как государственного правления, так и сугубо бытового свойства: «смеялся над мнимым суеверием набожных россиян, и, к великому их соблазну, не хотел креститься пред иконами; не велел также благословлять и кропить святою водою царской трапезы, садясь за обедом не с молитвою, а с музыкою [...] страстный к обычаям иноземным, ветреный Лжедмитрий не думал следовать русским; желал во всем уподобляться ляху, в одежде и в прическах, в походке и в телодвижениях; ел телятину, которая считалась у нас заповедным, грешным яством; не мог терпеть бани и никогда не ложился спать после обеда (как издревле делали все россияне от венценосца до мещанина), но любил все время гулять: украдкою выходил из дворца, один или с другом; бегал из места в место к художникам, золотарям, аптекарям; а царедворцы, не зная где царь, везде искали его с беспокойством и спрашивали о нем на улицах, чему дивились москвитяне, дотоле выдавшие государей только в пышности» [20, с.104]; «спорил с Боярами к общему удивлению: ибо Россияне дотоле не знали, как подданный мог торжественно противоречить Монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумия и той величественной скромности, которая для Самодержавцев гораздо нужнее, нежели для монахов Картезианских» [13, с.479]. Особенно, по мнению историка, раздражало россиян благожелательное отношение к полякам, хотя он и отмечал, что самозванец отказался от польских телохранителей: «исключительно ласкал поляков, только им давал всегда свободный к себе доступ, с ними обходился дружески и советовался как с ближними; [...] взял даже в тайные царицы секретари двух ляхов Бучинских [...] говорил, советовался единственно с ляхами» [20, с.104-106].

Как видим, многое в этих нововведениях и поведении напоминало последующую петровскую европеизацию России, только с другого образца. Однако в контексте возможного иного польского цивилизационного влияния, как это отмечалось в польской историографии, этот эпизод российско-польских отношений Карамзин не рассматривал. Впервые данное положение было поднято в русской науке в творчестве В.О. Ключевского. «Западноевропейская цивилизация в XVII в., – писал он, – приходила в Москву, прежде всего в польской обработке, в шляхетской одежде» [21, с.372]. В последнее время эта проблема стала обсуждаться в современной российской исторической

науке: в период правления Лжедмитрия I русское общество оказалось открытым для влияния со стороны Речи Посполитой [12, с.60].

Все же главная причина падения самозванца, согласно Карамзину, это нарушение московских православных традиций, как самим Лжедмитрием, так и его польским окружением, а также подозрение его в католичестве. Н.М.Карамзин прямо писал, что «Лжедмитрий был тайный Католик, и нескромность его обнаружила сию тайну; [...] говорил о соединении церквей и хвалил Латинскую. Росияне перестали уважать его, наконец, возненавидели» [13, с.478].

Особенно ярко эти тенденции Карамзин отмечал при описании свадьбы самозванца с Марией Мнишек: «москвитяне думали, что он не дерзнет дать сана российской царицы иноверке и что Марина примет закон наш; ждали того до последнего дня и часа, — увидели ее в короне, в венце брачном, и не слышали отречения от латинства. Хотя Марина целовала наши святые иконы, вкусила тело и кровь Христову из рук патриарха, была помазана елеем и торжественно возглашена благоверною царицею, но сие явное действие лжи казалось народу новою дерзостью беззакония, равно как и царское венчание польской шляхетки [...] Корона Мономахова на главе иноземки, племени ненавистного для тогдашних россиян» [20, с.122]. Данное положение историк высказывал относительно Марины Мнишек, которая стала законной царицею, в данном случае он пошел вслед за московской публицистической традицией с XVII века, отметив, что Лжедмитрий «взял девку латынские веры и не крестил ее» [12].

При этом Карамзин признавал, что только немногим из ляхов было разрешено присутствовать в церкви при бракосочетании. Однако утверждал он, вслед за московскими политическими источниками того времени, что они «своим безчинством возбудили общее внимание: шутили, смеялись или дремали в час литургии, прислонясь спиною к иконам. [...] Замечая, как бояре служили царю, как Шуйские и другие ставили ему и царице скамьи под ноги, кичливые паны дивились вслух такой низости и благодарили Бога, что живут в республике, где король не смеет требовать столь презрительных услуг от последнего из людей вольных» [20, с.129]. Описывая эти события, Карамзин утверждал, что они взывали к сердцам россиян «о мести за осквернение святыни». Далее историк без ссылки на источник отмечал: «Россияне видели, слышали и не прощали» и, продолжив свою мысль весьма неясно и противоречиво, писал: «Так мыслил народ, или такие мысли внушали ему еще невидимые вожди его в сие грозное будущим время» [20, с.129].

Однако, по мнению современной российской историографии, даже если бы посетители храма воздерживались от нетактичных поступков, реакция в русском обществе на их появление была бы все равно отрицательной, так как святыни оскверняло само присутствие иноверцев. Эти слова показывают, что еще до решения церковного собора 1620 года о перекрещивании католиков на русской почве сложилось представление о недействительности католического обряда крещения [12, с.384]. Положение об исключительной нетерпимости, в том числе и в отношении даже православных с Речи Посполитой, и замкнутости тогдашнего русского общества отмечалось еще в русской науке XIX века [22]. Сохранилось оно, в том числе и в польском аспекте, и в современной российской исторической науке [12;23-27] и др.

Весьма интересно также отметить, что Карамзин, хотя прекрасно знал об официальности царствования Лжедмитрия на московском престоле, нигде не употреблял в отношении его царский титул, называя его «самозванцем» или «Разстригой». И это при том, что он сам отмечал, что Лжедмитрий I использовав польскую помощь, пообещав Риму, воссоединение церквей не собирался выполнять данные обещания. Более того, он даже отметил, что Лжедмитрий «легкомысленно досаждал россиянам, он в тоже время не вполне удовлетворял и желаниям своих друзей иноземных [...] не сказал ни слова о соединении церквей [...] Кажется, что Самозванец охладел в усердии сделать россиян папистами, ибо, не взирая на свойственную ему безразудность, усмотрел опасность сего замысла и едва ли бы решился приступить к исполнению одного, если бы и долее царствовал» [20, с.110-111].

Вскоре данную ситуацию понял и «главный благодетель Лжедмитриев, Сигизмунд лукавый», что «счастье и престол изменили того, кто еще недавно в восторге лобызал его руку, безмолствовал и вздыхал перед ним, как раб униженный», отмечал историк, считая, что «Сигизмунд весьма естественно ждал благодарности» [20, с.112]. Данное положение неоднократно отмечалось в научной литературе предмета, в том числе и в современной: «Лжедмитрий I определенно отказался вернуть Речи Посполитой Северскую землю. Не наметилось за время правления Лжедмитрия I и какого-либо прогресса с исполнением обещаний, данных папскому нунцию в Польше, папе Клименту VIII и королю Сигизмунду III» [12, с.61].

Описав, таким образом, правление Лжедмитрия I и его связи с Польшей как причины его свержения, Карамзин, тем не менее, противоречя самому себе, отмечал, что боярский заговор Василия Шуйского (помилованного и возвращенного со ссылки Лжедмитрием) удался с большим трудом и формально был направлен против поляков, так как заговорщики ворвались в царский дворец под предлогом защиты царя от возможного посягательства поляков и сами боялись народа, который шел на защиту своего правителя [20, с.131-135]. Данная интерпретация событий весьма близка к высказываемой трактовке в современной российской науке. Отмечается, что низложение Самозванца было результатом совпадения целого ряда неблагоприятных для него обстоятельств, но, несомненно, успеху переворота способствовали раздражение и негодование, которые вызывало пренебрежение к местным обычаям и традициям, которое, подчас демонстративно, проявлял и сам Лжедмитрий I. Уже это обстоятельство показывало, считает Б.Н. Флоря, что утверждение пропольской культурно-идеологической ориентации в русском обществе, даже при благоприятных внешних обстоятельствах, не будет легкой задачей [12, с.64].

В период исторической бытности Лжедмитрия II польский фактор в гражданской войне в России рассматривался историком как один из решающих, особенно в военном отношении. Более того, Карамзин, даже описывая возможность войск Лжедмитрия II занять Москву, приходит к выводу, что именно поляки, посредством открытого вступления польских королевских войск на территорию России, тем самым открыто начав агрессию на страну, спасли ее от нового обмана: «России издыхающей помог новый неприятель!» [20, с.65]. Вместе с тем, по представлению историка, главной причиной потрясений России было все же моральное разложение русского общества.

Историк не скрывал своего отношения к той степени морального разложения тогдашнего высшего русского общества, отмечая, что хотя присягали на евангеле и кресте «целовали его и клялись умереть за царя [...] а на другой и следующее дни толпами бежали в Тушино [...] Те, которые еще недавно служили верно Иоанну Ужасному, передавались к бродяге и ляхам, древним неприятелям России [...] Чудесное изступление страстей, изыскаемое единственно гневом Божиим!» [20, с.48]. «Разврат был столь ужасен, продолжал историк, что родственники близкие уговаривалась между собою, кому оставаться в Москве, кому ехать в Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а в случае несчастья, здесь или там, иметь заступников. Вместе обедав и пиروвав (тогда еще пировали в Москве!), взяв жалованье из казны московской, требовали иного из тушинской – и получали!» [20, с.48].

Примером морального разложения для историка был также факт бездействия власти Москвы, которая могла не опасаться врага «окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа» в то время как враг осаждал Троице Сергиев монастырь, «когда гордый Сапега в сие время, тщетно силился взять монастырь и монастырскую ограду, где горсть защитников среди ужасов беззакония и стыда, еще помнила Бога и честь русского имени» [20, с.49]. Наряду с возможностью для поляков-католиков разгрома православных святынь, Карамзин как показательный пример морального разложения тогдашнего русского общества, считал факт потери русским народом веры в незыблемость самодержавия; «Сей народ, безмолвный в грозах самодержавия наследственного, уже играл царями, узнав, что они могут быть избираемы и низвергаемы его властью или дерзким своевољством!» [20, с.48].

Вместе с тем историограф, не всегда следуя в основном негативной оценке поляков в московской политической литературе, написанной уже после окончания Смутного времени, не изображал поляков-сторонников Лжедмитрия II только черными красками, говоря об их грабежах, насилиях, лукавстве и подлости, а готов был также признать их военное мужество и умения, хотя часто писал о них, как идущих в паре с первыми характеристиками. Такую оценку историк давал одному из польских военачальников этого периода – Яну Сапеге: «Сей рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всех иных сподвижников бродяги, превосходил их и в безстыдстве». Так Карамзин описывал случай, когда благодаря мужеству уже раненого Сапегу его войско обратило в бегство россиян «числом вдвое сильнее неприятеля, рассыпав их как стадо овец. Сапега гнал их 15 верст, взял 20 знамен и множество пленников» [20, с. 45]. Но явно особенно задевало русского историка публичная похвальба Сапегу о роли поляков в отношении московских царей: «Мы жалуем в цари московские, кого хотим», добавив при этом, что воевода польско-литовский «жег, грабил и хвалился римским геройством!» [20, с.45].

Карамзин, желая показать преобладание поляков среди сторонников Лжедмитрия II, показывал, что вступление в войну против России польского короля Сигизмунда III наиболее напугало тушинский лагерь, так как поляки сторонники самозванца не хотели делиться военной добычей.

Данное положение историк красочно передает в форме произвольного диалога посланцев короля и поляков сторонников Лжедмитрия II. При этом он не ссылается на источники: «Чего хочет Сигизмунд? – говорили тушинские ляхи с негодованием: лишить нас славы и возмездия за труды; взять даром, что мы в два года приобрели своею кровью и победами! [...] Так говорили чиновники и дворяне, воеводы же главные негодовали еще сильнее, лишаясь надежды разделить с Лжедмитрием все богатства державы российской и, привыкнув видеть в нем не властителя, а клеветника, не могли спокойно воображать себя под знаменами республики наравне с другими воеводами королевскими» [20, с.88]. Весьма показателен комментарий Карамзина по поводу такого положения дел у польской стороны, явно показывающий отношение историка к шляхетскому общественно-государственному устройству польско-литовского государства, проявляющемуся в слабости не только королевской власти Речи Посполитой, но и самого государства. Таким образом, по Карамзину, рано или поздно обреченного на падение: «Одним словом, казалось, что не подданные с государем и государством говорят, а две особенные державы находятся в жарком прении между собою и грозят друг другу войною! Изъясняясь с некоторою твердостью, Сигизмунд не думал, однако быть строгим для усмирения крамольников, ибо имел в них нужду» [20, с.88].

Впоследствии эти положения были развиты в важнейших концептуальных трудах по истории России – С.М. Соловьева [17] и В.О. Ключевского [28], а также в исследовании С.Ф. Платонова [16]. В консервативной историографии славянофильского толка действия польской стороны Лжедмитрия рассматривались как целенаправленная, инспирируемая из единого центра польская политика, направленная на политическое подчинение Москвы и введение католичества (Д.И. Иловайский, П.Д. Брянцев и др.).

В то время, как и в советской историографии действия поляков, вместе с Лжедмитрием II оценивались как часть общей вместе с королевской армией польской интервенции [29]. В этом свидетельствует также характеристика событий Смутного времени в соответствующих томах «Очерков истории СССР» [30] и «Истории СССР» [31]. В современной российской исторической науке утвердилось мнение, что вмешательство поляков в русские дела приобрело массовый характер с появлением Лжедмитрия II, среди приверженцев которого они заняли весьма заметное место. Однако, каких-либо политических планов, касавшихся России, у польских приверженцев Лжедмитрия II не было, нет оснований, отмечается также, говорить и о какой-то целенаправленной политике с их стороны по отношению к русскому обществу [12; 32].

Последующая российско-польская война 1609-1618 годов вместе с внутренней Смутой, основанной на моральном разложении русского общества, считал историк, поставили Россию на грань гибели. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что Карамзин, рассказывая о периоде войн России уже второй половины XVI – начале XVII веков со своим западным соседом, в отличие от предыдущего периода, употреблял для изображения ее врага исключительно определение – ляхи или поляки. Таким образом, Карамзин, хотя и отмечал периоды отдельного существования Польши и ВКЛ, не видел существенной разницы в этих государственных образованиях, считая их фактически одним государством, врагом Москвы, а уже с периода Ливонской войны считал основным врагом России именно поляков.

Изложение Н.М. Карамзиным истории России периода весьма острых и неудачных для России столкновений с Польшей Смутного времени весьма эмоционально и явно видны симпатии автора. Следует также обратить особое внимание на использованную историографом в качестве источниковой базы московскую политическую литературу XVI – начала XVII века: «Сказание Авраамия Палицына», «Новый летописец», «Повесть о победах Московского государства» и др. [25; 33]. Названные источники относятся к числу источников, свидетельствующих о способе восприятия русским православным обществом латинской веры и ее носителей. Как отмечается в современной российской научной литературе: в русских памятниках XVII века, особенно освещающих события Смутного времени и роль в них поляков, Польша предстает противницей «правой веры», врагом христианства, а значит и России [12; 24-26; 33-36 и др.]. Историограф неоднократно обращался на страницах своей «Истории» к ним для подтверждения своих выводов. Да и трудно было здесь ожидать объективности со стороны Карамзина, когда он рассматривал период данного столкновения с польско-литовским государством вслед за московской политической литературой XVI века как религиозную войну и период наибольшей угрозы для самобытности России и ее будущего величия.

Заключение. Таким образом, исходя из такого характера используемых источников и общего отношения историографа к российско-польскому соперничеству, особенно данного периода, и получился полный драматизма, героизма, а вместе с ним предательства и подлости образ противо-

стояния, скорее религиозного, чем двух соседних государств и родственных народов. Этот негативный эмоциональный образ российско-польской вражды явно заменял у Карамзина объективный исторический анализ одного из важнейших эпизодов российско-польского исторического прошлого. Российский историк не допускал мысли о том, что возможен был вариант альтернативного развития России по пути сословного представительства, в том числе под влиянием цивилизационных основ Речи Посполитой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lelewel, J. Porównanie Karamzina z Naruszewiczem / J. Lelewel. // *Dzieła*. – Warszawa, 1964. Т. I. – s. 199 – 219.
2. Миллюков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли / П.Н. Миллюков. – М., 1913. – 342 с.
3. Lowniański, H. Lelewel jako historyk Litwy i Rusi / H. Lowniański // *Lelewel, J. Dzieła*. – Warszawa, 1964. – Т. I. – s. 3-48.
4. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. – Warszawa, 1970. – 518 s.
5. Blachowska, K. Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Blachowska. – Warszawa, 2001. – 310 s.
6. Filatowa, N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej / N. Filatowa // *Polacy i Rosjanie*. – Warszawa, 2002. – S. 21–34.
7. Кручковский, Т.Т. Стефан Баторий как историческая личность в оценке Н.М. Карамзина / Т.Т. Кручковский // *Культура, наука, образование в современном мире : материалы V международной научной конференции*. – Гродно, 2011. – С. 390–395.
8. Кручковский Т.Т. История Польши в исторической концепции Н.М. Карамзина / Т.Т. Кручковский // *Вестник ГрДУ*. – 2008 – № 3 . – С. 3–11.
9. Карамзин, Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // *История государства Российского* / Н.М. Карамзин. – М., 1989. / Н.М. Карамзин. – Т. 10–12. – С. 472–530.
10. Карамзин, Н.М. История Государства Российского. / Н.М. Карамзин. – Ростов - на - Дону, 1990. Т. X. – 528 с.
11. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Т.Т. Кручковский // *Наш радавод*. – Гродно, 1994. – Кн. 6. – Ч. 2. – С. 218–417.
12. Флоря, Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. / Б.Н. Флоря. – М.: Изд-во «Индрик», 2005. – 416 с.
13. Карамзин, Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // *История государства Российского* / Н.М. Карамзин. – М., 1989. / Н.М. Карамзин. – Т. 10–12. – С. 472–530.
14. Морозова, Л. Е. Исторические портреты. Борис Федорович Годунов / Л. Е. Морозова // *Вопросы истории*, 1998. – № 1. – С. 59-81.
15. Костомаров, Н. И. Смутное время в Московском государстве. / Н. И. Костомаров. – СПб, 1883. – 367 с.
16. Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). / С. Ф. Платонов. – СПб., 1899. – 494 с.
17. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. / С.М. Соловьев. – М., 1960. – Кн. 4. – 782 с.
18. Зимин, А. А. В канун грозных потрясений / А. А. Зимин. – М., 1983. – 333 с.
19. Скрынников, Р. Г. Борис Годунов / Р. Г. Скрынников. – М., 1983. – 195 с.
20. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1908. – Т. XI.
21. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. – Книга вторая. – М., 1993. – 591 с.
22. Мякотин В.А. Лекции по русской истории / Мякотин В.А. – СПб., 1892. – 468 с.
23. Хорев, В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. / В.А. Хорев. – М., 2005. – 185 с.
24. Стыкалин, А.С. Русские и поляки: стереотипы взаимного восприятия (сборник статей «Поляки и русские в глазах друг друга») / А.С. Стыкалин // *Славяноведение*. – М., 2001. – № 4 . – С. 60–76.
25. Мочалова, В.В. Польская тема в русских памятниках XVI в. / В.В. Мочалова // *Поляки и русские в глазах друг друга*. – М., 2000. – 33 – 44.
26. Мочалова, В. В. Представления о России и их верификация в Польше XVI-XVII вв. // *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. / В.В. Мочалова. – М., 2002. – С.44 – 64.
27. Скрынников, Р. Г. Царство террора. / Р.Г. Скрынников Р. Г. – СПб., 1992. – 571 с.
28. Ключевский, В.О. Сочинения: В IX т. / В.О.Ключевский. – М., 1989. – т. III. – 415 с.
29. Казаченко, А. И. Разгром польской интервенции в начале XVII века. / А. И. Казаченко. – М., 1939. – 176 с.
30. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII в. – М., 1955. – 960 с.
31. История СССР с древнейших времен до наших дней. – М., 1966. – Т. II.

32. Тюменцев, И.О. Смута в России в начале XVII столетия : Движение Лжедмитрия II. / И.О. Тюменцев. – Волгоград, 1999. – 604 с.
33. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. – Москва- Варшава, 1995. Т. I.
34. Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. / А.С. Мыльников. – СПб., 1999. – 398 с.
35. Левкиевская, Е. Конфессиональный образ поляка в русской народной и письменной традиции / Е. Левкиевская // Поляки и русские в глазах друг друга.– М.: Индрик, 2000. – С. 231–238.
36. Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. / А.С. Мыльников. – СПб., 1996. – 320 с.

RUSSIAN-POLISH RIVALRY AT THE END OF XVI AND AT THE BEGINNING OF XVII CENTURY IN EVALUATION OF N.M. KARAMZIN

T.T. KRUCHKOWSKI

Summary

In this article the author, considering the known historical concept of N.M.Karamzin's history of Russia, puts before itself a problem to allocate and show in it estimated approaches of the known Russian historian to rivalry of end XVI – beginnings XVII of centuries of the polsko-Lithuanian state and Moscow. The Time of Troubles was an important stage of this antagonism, in its opinion. In given article the author considers estimations of the Russian historian of the Polish factor of events of the Distemper before Rechi Pospolitoj open military collision and Moscow. The history of Poland was considered by the scientist in its creativity mainly in a context of the Russian-Polish rivalry and the Polish question in Russia the XIX-th century beginnings. In a context of studying historical полонистики similar research is spent by N.M.Karamzin for the first time.

Keywords: Russian historian, N.M. Karamzin, Polish, Russian-Polish rivalry, Russia, Polish-Lithuanian state, Polish problem.

© Кручковский Т.Т.

Поступила в редакцию 15 октября 2012г.